

беседы о мастерстве

ТИПИЧНОЕ, А НЕ ПРИВЫЧНОЕ

Александр Чхидзе — талантливый литератор. Но то, что его пьесы идут во многих городах и во многих зарубежных театрах, объясняется, пожалуй, прежде всего тем, что он необычайно точно и активно чувствует сегодняшний день. Именно поэтому наш разговор с председателем Аджарского отделения театрального общества Грузии Александром Владимировичем Чхидзе был главным образом о современной теме в драматургии.

— Александр Владимирович, нам, как вашим зрителям и почитателям, было бы интересно узнать, что вас привело в театр и, что не менее интересно, как вы пришли к вашей главной теме в драматургии?

— Что меня привело в театр? Это приводит человека в жизни ко всему прекрасному? Любви? Помню, мы, батумские мальчишки, дождались конца спектакля и пробились в театр, чтобы вместе со всеми поаплодировать артистам.

Что касается моей главной темы? Моя счастливая и несчастная, радостная и горестная, легкая и трудная жизнь. Жизнь людей, без которых я был бы сиротой, одиночкой на всей планете. Вот моя главная тема.

Безусловно, мне очень много дала моя многолетняя работа в журналистике. Это большая человеческая школа. Она дает богатейший материал, гражданскую закалку. Нечисленнейший материал. Я думаю, мне всей моей жизни не хватит, чтобы рассказать все, что я накопил в журналистике. Какие-то темы идут через весь мой путь. Я написал давным-давно свою первую пьесу «На перепутье». Это был нелегкий разговор о школьниках. Прошло 20 лет. И я написал «Свободную тему» — прямое продолжение той пьесы. Тема продолжает свою жизнь, как живой человек.

Драматург не может существовать отдельно от своей пьесы, от зрителей. Он думает о том же, о чем и зрители. И отличается от них только способностью выразить все это в сценической форме.

От автора требуются искренность, откровение — качества сегодняшнего бойца. Иной драматург любит погрузить себя в древние века и из того таинственного далека намекать на сегодняшние проблемы. У него это называется аллегорией. Мне подаются биточки, но дают понять, что это шашлык.

Зачем выдумывать жизнь? Вот мы с вами сейчас говорим, и это уже жизнь. И мы — граждане этой жизни, и мы перед ней в долгу. Партийность искусства я понимаю как прямой, страстный и нелицеприятный разговор о самом насущном, о сути жизни.

— Зрители любят интересоваться: а есть ли у персонажа пьесы свой прототип? Мы хотели бы поставить вопрос несколько иначе: а есть ли у фактов, которые вы кладете в основу ваших пьес, свой прототип?

— В основу почти всех мо-

их пьес положены факты, до которых я, если так можно выразиться, дотронулся руками.

Есть у меня пьеса «Мост». Разрушился в городе мост, и отдают под суд строителя. Прокурор поручил своему помощнику завершить вроде бы ясное дело. Но эта молодая женщина, человек долга и совести, добралась до истины и назвала подлинных виновников — руководителей города, которые приняли худой проект, академика, давшего заключение. Для нее перед законом все равны, а высокий пост накладывает еще более высокую ответственность. Героиня пьесы восстанавливает мост между законом и личностью. Это разговор не о строительной проблеме, а о нравственности, долге, ответственности личности. Все это было у нас в Батуми. Может ли эта «тема» не волновать меня, зрителя?

Произошел очень любопытный случай. Я закончил эту пьесу, и прямо ночью мы ее прочитали вместе с режиссером Гигой Лордкипанидзе. А буквально утром встречаем нашего дорогого, светлой памяти Серго Закаридзе. Он жмет нам руки и говорит: «Поздравляю вас с вашим мостом!» Я аж охнул — откуда он может знать про пьесу, которую мы только нынешней ночью прочитали? А Сергей Александрович был депутатом Верховного Совета СССР от Аджарии. И, оказывается, он как депутат добился средств и материалов для восстановления того разрушенного моста в Батуми. Вы можете представить, с какой радостью он принял пьесу «Мост» для постановки в Театре имени Шота Руставели? Для него это была уже не просто пьеса, а его жизнь.

— От актеров часто слышишь, что они мечтали бы сыграть роль в современной пьесе...

— Вы знаете, это причитание стало уже штампом. Человек сидит у родника и восклицает: вай, как хочу пить! Если говорить о больших актерах, то, признаюсь, их (особенно с возрастом) тянет на курорты. Они предпочитают Шекспира, Пушкина, Чехова. Ну что ж, давайте на время закроем театры и подождем нового Пушкина или Чехова. Театр закрыть можно, а жизнь не остановишь.

Почему я заговорил именно о выдающихся артистах? Важной теме нужен большой актер. В моей пьесе «Потомки» сыграла Верико Анджапаридзе. О великая тайна актерского таланта! Она превращает простые слова в человеческое откровение. Какой прекрасной гранью засверкал талант Верико! Королева, герцогиня, героиня древних трагедий вдруг обернулась для меня трепетной женщиной, которую я встречаю на улицах, в магазинах, в моей простой, повседневной жизни.

— Вы подчеркнули, что для драматурга главное — принципиальность, непримиримость, умение быть бойцом. Но иногда смотришь «острую» пьесу и испыты-

ваешь откровенную скуку от многозначительной суетности без цели и адреса.

— Перечисленные вами (а вернее, мною) качества я называл принципами партийности. Но ведь и враги не хуже нас умеют остро поставить вопрос. Только во имя чего? Драматург должен ясно осознавать: во имя чего, зачем, ради чего? И тогда смелость — это действительно смелость, а не шумиха.

Но должен сказать вам, что есть еще достаточное число осторожных людей, которые одергивают драматургов, оглушают их термином «псевдосмелость»: а вот что подумает такой-то, если ему придет в голову то-то? Я не знаю, что придет в голову кому-то. Я знаю, что пришло в голову мне и не дает мне спокойно жить. Кто за нас станет тревожиться нашими недостатками?

Буду конкретен. В одном из районов Аджарии половина садов — общественные, половина — личные. Так вот, личные сады дают 80 процентов общего урожая. Было время, когда об этом говорить и писать считалось мягко говоря, нежелательным. И вот все охали и удивлялись. Молча. Но моя профессия не дает мне права просто удивляться или возмущаться. И я написал пьесу «Зов земли». Да, я хочу заставить задуматься специалистов, экономистов, руководителей. Но разве это только экономическая проблема? Это еще и моральная проблема. И не позавчерашняя, не послезавтрашняя, а самая что ни на есть современнейшая. Я постарался это воплотить в убедительном материале, чтобы пьеса была не тезисом, а жизнью.

Но тут же нашлись осторожные: а не посягаешь ли ты этой пьесой на авторитет колхоза? Мы подрываем авторитет колхоза, когда скрываем недостатки, замазываем их, мешаем полнокровному развитию жизни. Видя неправду, человек теряет веру, а это самое большое, что может потерять человек.

Есть еще такой «камень преткновения» — типично или нетипично? Я не теоретик. Типично — это то, о чем думают люди. Женщина-комиссар в «Оптимистической трагедии» — это типично? Нет. А революционная трагедия — это типично. И исключительность случая только подчеркивает типичность явления. Типично не значит привычно. Именно в исключительных ситуациях остро обнажаются характеры, проблемы, явления типичные.

— А каковы ваши взаимоотношения со зрителями? Мы имеем в виду не через зрительный зал, а непосредственные контакты. Ваша склонность к современной тематике, видимо, вносит в эти отношения определенную специфику?

— Основное, что меня связывает со зрителем, — то, что мы с ним современники, земляки в самом широком смысле этого слова. Получаю много писем. Стараюсь отвечать обстоятельно, вижу в этом большой смысл, важ-

ную часть моей драматургической работы. Плохо, когда отделяет от зрителей та самая невидимая «четвертая стена». И, конечно, что может быть прямее и напряженнее, чем разговор со зрителем с глазу на глаз? Бывает он и нелицеприятным. От зрителей перепадают отнюдь не только восторженные отзывы. Но, говорю вам искренне, это на пользу.

— Судя по всему, ваши отношения с театром складываются довольно безоблачно.

— Среди трех полноправных «компонентов» — драматург, театр, зритель — драматург самый бесправный, хотя меня считают драматургом счастливой судьбы. Театр может отказать от пьесы, зритель может вообще не прийти. А драматург?..

Драматургия — жанр литературы. И тем не менее судьба пьесы решается в театре, и потому я за самое тесное совместное творчество с театром. Может быть, драматургу надо приходить в театр не с готовой пьесой, а еще с замыслом. Это принесло бы взаимную пользу. Своим опытом я обязан именно театру. Драматургам никак не следует замыкаться в кругу своей литературной братии. Театр — вот судия. И я могу только удивляться, когда на творческие семинары драматургов не приглашаются деятели (и самые авторитетные) театра.

— В газете «Советская Аджария» опубликовано ваше «Открытое письмо зрителю». В этом письме вы выражали тревогу, что театр теряет зрителя. В чем дело?

— Во многих театрах республики существует система абонементов. Вроде бы все билеты на спектакль проданы, а зал полупустой. Зритель не пришел. А в финансовых отчетах театра полный порядок.

Кто виноват — театр или зритель? Хотя я и представитель театра, но считаю, что виноват все-таки театр. И когда мы говорим, что зритель не понял спектакль, мы себя этим просто успокаиваем. Почему-то те же пьесы, скажем, в Театре имени Шота Руставели зритель понимает хорошо. Зритель хочет видеть свою судьбу на сцене и находить ответы на свои насущные вопросы. И если зритель не идет в театр, то это значит, что или пьеса плохая, или актеры играют плохо, или то, и другое вместе. В этом я еще раз убедился на откликах читателей на мое «Открытое письмо».

— И последний вопрос: ваши сегодняшние заботы?

— Ну, одну пьесу я уже назвал — «Зов земли». Написал пьесу «После третьего звонка» — о создании нового театра в новом районе столицы. Закончил пьесу «Ветряная мельница» — о человеке, который умеет мечтать. Наконец-то написал пьесу о любви — «Запасной аэродром». Жена узнала, сказала: «Пора, пора...»

Беседу вели
И. МУХРАНЕЛИ,
Э. ГРАФОВ.

БАТУМИ.